

РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК НА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. А. Подмогильная

*Георгиевский технологический институт
(филиал Северо-Кавказского государственного технического университета)*

Поступила в редакцию 11 февраля 2009 г.

Аннотация: исследуется проблема формирования социальной структуры рабочего класса на Ставрополье. Рассмотрены отдельные стороны положения рабочих: преобладание низкоквалифицированной и малооплачиваемой армии работников, усугубленной ростом эксплуатации на предприятиях, тяжелым бытовым положением, частой сменой работы. Представлена характеристика интенсивного процесса формирования прослойки сельскохозяйственных рабочих и мера их влияния на ход реформирования российского рабочего класса.

Ключевые слова: рабочий класс, Северный Кавказ, промышленность, фабрично-заводская инспекция, сельскохозяйственные рабочие, социальная активность рабочих.

Abstract: the problem of social structure of working-class in Stavropol region is under review. Due to necessity of renovation and addition for scientific knowledge the specific characters of forming of working-class in conditions of radical changes of purpose and social principles trend free from ideological stereotypes is shaven. The characteristic of intensive forming process of agricultural workers stratum and the degree of their influence on Russian working-class reformation. The principle positions and conclusions of the work can be used in solving problems of modern workers in the light of political situation in Northern Caucasus and can be the necessary research due to rising in social activity of Russian workers.

Key words: working-class, Northern Caucasus, industry, agricultural workers, social actives of the workers.

Изучение истории рабочего движения в стране еще двадцать лет назад было частью партийной науки, а само движение рассматривалось с точки зрения участия большевиков в революциях начала XX в. В настоящее время объективное исследование рабочего класса в отдельных регионах является одной из актуальных задач отечественной истории, а в свете современной политической обстановки на Северном Кавказе представляется особенно важным в связи с повышением социальной активности российских рабочих. Познание истории формирования рабочего класса, опыт различных политических партий, попытки решения рабочего вопроса, определение влияния на рабочих различных общественных сил представляют особый интерес в изучении развития регионального рабочего движения и позволят внести определенные дополнения в исследуемую проблему. На развитие российского пролетариата повлияло существование в стране многоукладности хозяйства, что требует более

внимательного изучения региональных особенностей деятельности политических и общественных организаций.

Масса сложных явлений российской жизни, касающихся отношений между местным и пришлым населением, настроений, обычаев и традиций коренных жителей нашли свое отражение на такой сравнительно небольшой территории, как Северный Кавказ. Отражая всю гамму особенностей, закономерностей и противоречий вовлечения российского подданного в систему общественных связей, мы попытаемся показать причины роста социальной активности рабочих региона в начале XX в., основываясь на идеях человеческой справедливости и свободы, естественных правах человека на жизнь, труд, достойные условия существования и его стремлении к счастью.

Изменения в социальном составе рабочего класса и его психология связаны, прежде всего, с нарастанием социального напряжения в стране в начале века. В то время как социальная структура населения Северного Кавказа в целом отражала структуру населения всей страны, изменения общественно-полити-

ческой жизни огромной державы нашли свое политическое, экономическое и этнографическое отражение в регионе. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 80-х г. XIX в. по 1917 г. И хотя период достаточно узкий, но он является исторически важным отрезком времени. В эти годы происходили такие события, как первая русская буржуазно-демократическая революция, включая сложный предвоенный период и начало Первой мировой войны. Фактор социальной активности населения Северного Кавказа играл самую заметную роль в становлении рабочего класса Северного Кавказа. Нельзя не отметить и то, что для подавляющего числа трудящихся участие в выступлениях рабочих, различного рода протестах было коротким эпизодом в повседневной жизни, и лишь для некоторых превращалось в факт личной биографии. Причем причина этого, по мнению исследователей, не только в преобладании мелкой промышленности изучаемого региона, но и в наличии среди рабочих большого процента сельских наемных работников, положение которых было неустойчиво, что связано с высокой текучестью и слабой координированностью их действий [1; 2; 3].

Серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживает то, что в изучаемом районе, наряду с начавшейся в 80—90-х гг. индустриализацией, продолжала развиваться мелкая промышленность. Безусловно, крупный капитал, вступая в прямую конкуренцию с мелким, всегда выходил победителем. Но дело в том, что такой конкуренции по существу не было, так как крупный капитал функционировал в одних отраслях, а мелкий — в других. Следует отметить, что из-за скудной сырьевой, энергетической базы и резко выраженного сельскохозяйственного характера экономики губернии, отдаленности ее долгое время от железнодорожной магистрали, Ставрополье не имело крупной промышленности. Как показали исследования, довольно часто рост фабричного производства служил толчком для оживления мелких промыслов, выполнявших вспомогательные функции [4, с. 161].

Однако мелкая промышленность могла существовать, только приспособляясь к изменяющимся условиям, включаясь в систему капиталистического предпринимательства. Об этом свидетельствуют все учащающиеся в пореформенный период связи ремесленников с рынком, в результате которых они превращаются в товаропроизводителей, и появление «скупщиков», постепенно подчиняющих мел-

кое производство. Рабочие на Северном Кавказе были в основном временными, требовали более высокой оплаты, чем рабочие иных районов. Другой особенностью экономического развития региона было то, что купцы предпочитали вкладывать деньги не в промышленное производство, а в сферу сбыта сельскохозяйственной продукции.

Мукомольная и маслобойная отрасли, имевшие наиболее крупные производительные мощности, способны были удовлетворить не только потребности губернии, но и нуждающиеся в этой продукции регионы. Выработка мельниц достигала в разные годы в целом примерно треть всей суммы промышленного производства, причем это были заведения с производительностью продукции стоимостью не менее 1 тыс. руб. в месяц, на которых трудились несколько десятков работников (к примеру, на паровой мельнице братьев Леонидовых (г. Ставрополь) работали 37 человек [5]); но были и более мелкие. В действительности же общее число небольших производств с паровыми двигателями было, видимо, больше официально зарегистрированных. Для Северного Кавказа было характерно то, что здесь «стали неимоверно распространяться усовершенствованные молотилки с паровыми двигателями» и на каждом заведении такого рода работали по 10 и больше рабочих, причем на половине их них трудились по 17—20, на трех — по 30, а на одном — даже 40 рабочих [6]. Итак, на официально имевшихся 3453 предприятиях Ставрополья в 1900 г. работали 5087 человек, 300 ремесленников, 453 подмастерья, 280 учеников [7, с. 4]. Кроме того, было множество мелких предприятий, на которых трудились 3—4 рабочих.

Проанализировав взаимодействие различных форм промышленного производства, можно сделать вывод, что мелкие заведения в 80—90-х гг. играли немалую роль в общей сумме производства. В середине 90-х гг. удельный вес валовой продукции мелкой промышленности Северного Кавказа оставался еще довольно значительным, около — 42 %. На долю фабричной промышленности приходилось 55,5 % [8]. А к концу XIX в. крупное производство заняло в промышленности господствующие позиции. Это выражалось не столько в удельном весе валовой продукции производства, сколько в преобразующем воздействии его на другие формы промышленности и все стороны общественной жизни.

Оставшиеся в стране крепостнические пережитки усугубляли положение рабочего отсут-

ствием полноценного фабрично-заводского законодательства. Работодатели сами определяли продолжительность рабочего дня, размеры заработной платы и не заботились о безопасности на производстве. В борьбе за улучшение условий своей жизни и труда рабочий класс в 80—90-е гг. XIX в. вынудил правительство приступить к решению рабочего вопроса.

Первые законы касались запрета эксплуатации детей до 12 лет и ограничения восьмичасовым рабочим днем 12—15-летних подростков, запрещался ночной труд женщин и детей. Принятый закон 1 июня 1882 г. распространялся лишь на ту часть российского пролетариата, которая трудилась на предприятиях, подлежащих опеке фабрично-заводской инспекции, т.е. на те, на которых трудилось не менее 16 человек. Если численность работников была менее указанного количества, то предприятие должно было иметь хотя бы один паровой двигатель, тогда оно также подлежало опеке инспекции. Остальные предприятия рассматривались как дофабричные или нефабричные [9, с. 12], что было выгодно предпринимателям, поэтому распространение фабрично-заводского законодательства происходило медленно.

Но, несмотря на это, доля детского труда в российской промышленности стала сокращаться, а определенные законом функции на фабричной инспекции [10] стимулировали взаимоотношения рабочих и фабрикантов. Например, на основании «правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих надлежало руководствоваться изданным на основании общего закона правилами года» [5, л. 4]. Этими же правилами руководствовались также «при исчислении срока выдачи пособия беременным и роженицам — участницам больничной кассы» [5, л. 26]. В Циркулярных предписаниях министерства торговли и промышленности о представлении сведений о числе больничных касс, о мерах безопасности на фабричных заводских предприятиях в качестве «пособия больным и увеченным рабочим, их семьям (при условии смерти рабочего) была определена сумма в размере 4801 руб.» [5, л. 3].

В соответствии со статистикой на Ставрополье занимающихся промыслом значилось в 1905 г. 15 489 человек [11, с. 12], что почти в три раза больше числа рабочих, находящихся под контролем фабрично-заводской инспекции, а уже в 1914 г. число промысловиков увеличилось до 48 642 человек [12, с. 14]. Причем эта категория трудящихся не была

отнесена к рабочим, несмотря на столь быстрый рост. Но и эти данные не полные; поденщики, каменщики, кузнецы, бондари, колесники, плотники, сапожники, печники и кровельщики составили половину численности строительных, сельскохозяйственных и других рабочих, не были учтены железнодорожники (2578 человек), работники торговли (475 человек), почты, телеграфа и т.д. [13, с. 65].

Не последнюю роль в развитии рабочего класса играл уровень грамотности населения. Н. А. Иванова в своей монографии приводит данные о грамотности среди рабочих накануне XX в. При крайне низком уровне грамотности в России в регионе были достаточно высокие показатели. Так, в Донской области процент грамотности составил 45,4 % среди жителей региона, на Кубани — 48,4 %, на Ставрополье — 49,4 % [13], что прямо отражалось на стачечных выступлениях и косвенно сыграло важную роль в формировании мышления и дальнейшем развитии социальной активности пролетариата.

С ростом потребностей земледелия в ремонте сельскохозяйственной техники в крае появлялись и крупные металлообрабатывающие предприятия, а растущий спрос на металл и цемент стимулировал развитие соответствующих местных отраслей. Единственное в губернии металлообрабатывающее предприятие появилось в Ставрополе в 1902 г. под громким названием «Трансмиссионный, чугунолитейный и механический «анод» Шмидта и Руднева» (ныне завод «Красный металлист»). Здесь вырабатывали чугунное литье для маслобен и мельниц, изготовляли ограды и кресты для могил, ремонтировали сельскохозяйственные машины и орудия. В свою очередь, в Георгиевске в 1907—1908 гг. С. М. Кальченко построил полукустарные чугунолитейные мастерские [14]. Продолжая работу в 1908 г., Кальченко закончил постройку не только механической мастерской, но и под одной крышей организовал модельную и литейную мастерские, а в августе 1908 г. начал работу чугунолитейный и механический завод Кальченко, производя плавку чугуна примерно один раз в две недели. Число рабочих на заводе в то время не достигало и 50 человек; в 1910 г. на заводе уже работали 90 человек, выполняя различные ремонтные заказы для мельниц, просушек для маслобойных заводов и сельского хозяйства; в 1912 г. завод впервые получил заказ от нефтепромышленников г. Баку и г. Грозного на изготовление задвижек. Рабочий день длился 10—12 часов; в

1917 г. завод уже насчитывал около 120 рабочих [14, л. 2—5].

Прилегающие к р. Подкумок богатые хлебные районы, близость железной дороги и большой товарной станции привлекли внимание А. Кащенко, представителя одного из крупнейшего в то время в России «Торгового Дома Кащенко и сыновья». В 1905 г. А. Кащенко приобрел земли, где стояла небольшая мельница некоего купца Ляски, и развернул грандиозное по тому времени строительство. Опытным инженером-проектировщиком оказался уроженец станицы Марьинской Ковалев. Строительным подрядчиком нового предприятия стала ирландская компания. Из Ирландии приехали высококвалифицированные специалисты, которые подбирали рабочих из местного населения. Первым механиком мельзавода был Г. В. Муравлев. Оборудование для мельницы закупалось в основном в Швейцарии, Германии и Польше. Строительство здания мельницы и монтаж оборудования были полностью завершены в сентябре 1908 г., и мельница выдала первые тысячи пудов готовой продукции.

В связи с освоением Кавказских курортов край нуждался в электрификации. Интересные исторические сведения о начале строительства первой в России гидроэлектростанции приводятся в журнале «Электротехнический вестник», № 5, от 10 марта 1903 г., в котором помещена статья «Электрическое оборудование группы Кавказских минеральных вод» [15], где говорится об устройстве гидроэлектрической станции на реке Подкумок для снабжения всех групп Кавказских минеральных вод (КМВ) электрической энергией (для освещения, трамвая и электродвигателей), для приведения в действие насосов, снабжающих ванны минеральными водами.

Эксплуатация этих объектов осуществлялась из Пятигорска управлением КМВ, где был создан для этих целей электротехнический отдел, требовавший инженеров-электриков и высококвалифицированных рабочих. Таким инженером явился Е. Н. Кутейников, окончивший электротехнический институт инженеров путей сообщения и ставший борцом за права пролетариата. Так, рабочие гидроэлектростанции «Белый Уголь» в 1905 г. высказали требование об улучшении условий труда. Начальник электроотдела Е. Н. Кутейников на просьбу рабочих облегчить условия их труда решил привлечь к этому вопросу внимание общественности и передал их требование в местную газету «Пятигорский лис-

ток» [16]. 2 июня 1905 г. в газете появилась следующая публикация: «... Нам приходится работать при напряжении умформера в 8000 вольт. Такой, требующий большого внимания, утомительный труд продолжается 12 часов в сутки. Кроме того, на нас лежит обязанность исполнения работ по ремонту линии, машин на подстанции и т.д. Эти работы ... происходящие главным образом по ночам, еще больше удлиняют наш рабочий день. Мы постоянно чувствуем себя переутомленными». Далее рабочие просили установить рабочее время не более 9 часов в сутки и праздничный 24-часовой отдых не менее одного раза в каждые две недели. Отсутствие элементарной техники безопасности, утомляемость из-за продолжительного рабочего дня становились причиной многочисленных случаев травматизма. С 1903 г. было установлено, что в каждом промышленном заведении «должна иметься книга для записи несчастных случаев с рабочими и служащими» [17, л. 47].

Из местного рабочего класса выделялись железнодорожники, которые составляли 39,9 тыс. человек от общей численности рабочих Дона, Кубани и Ставрополя [18, с. 24], а на Владикавказской железной дороге в 1907—1911 гг. их численность возросла на 27 % [19, с. 61]. Бурное развитие железнодорожного транспорта повлекло за собой значительный рост численности пролетариата. Ядро рабочего движения составляли квалифицированные рабочие. Борясь за политические и экономические права всего пролетариата региона, именно железнодорожники играли ведущую роль в становлении рабочего класса. На втором съезде представителей попечительств Общества потребителей служащих Владикавказской железной дороги от 25 марта 1917 г. рабочим удалось добиться сокращения рабочего дня с 10 до 9 часов [20, л. 60].

Говоря о высококвалифицированных и потомственных рабочих, нельзя не упомянуть о роли металлургов в стачечном движении региона. Доля металлургов в этот период была сравнительно невелика — всего 8 тыс. человек по Дону, Кубани и Ставрополю, причем значительная часть рабочих-металлистов размещалась в Ставрополе и Георгиевске. Эта квалифицированная категория рабочих стала главной движущей силой всех выступлений пролетариата и сыграла не последнюю роль в образовании благодатной базы развития политической агитации. Например, в докладе Совета съездов горнопромышленников Юга России о причинах современного состояния гор-

ной и горнодобывающей промышленности Юга России 1917 г. упомянуты меры, необходимые для развития промышленного региона: «государственная власть не только убеждающая, но и принуждающая к исполнению закона»; «меры по борьбе с хозяйственной разрухой по снабжению промышленности материалами, по борьбе с продовольственным затруднением, по восстановлению транспорта должны быть регулируемы в соответствии с органами при участии не менее 1/3 части представителей промышленности и в органах, выдающих производство, не менее 50 %»; «требования рабочих о повышении заработка должны быть введены в определенные границы, диктуемые государственными интересами и производительностью труда рабочих», «проведение всех этих мер является не классовыми требованиями промышленности, а условием сохранения России как государства» [21, л. 7].

Благодаря спросу на сельскохозяйственную продукцию на внутреннем и внешнем рынках промышленный кризис 1900—1903 гг. ощущался на Северном Кавказе слабее, чем в центральных районах страны, и в целом обошел стороной исследуемый регион. В экономическом отношении Северный Кавказ был аграрным районом России и поэтому не случайно здесь шел интенсивный процесс формирования прослойки сельскохозяйственных рабочих, контингент которых в начале XX в. был довольно значительным. В зимнее время, когда численность рабочих падала в 1,5—2 раза, она составляла 85 тыс. человек [1]. В сельском хозяйстве трудились рабочие низкой квалификации, поскольку вспашка, посев, молотба не требовали специального высокого уровня образования. К тому же эта категория лиц наемного труда полностью не попадала в ведомство фабрично-заводского законодательства страны. Здесь наблюдался самый продолжительный рабочий день, особенно в летний сезон, когда он мог достигать 20 часов. Однако заработная плата была от 30 до 45 руб. [18, с. 34], тогда как средний уровень заработной платы по России составлял 16 руб. 75 коп. в месяц. Такая высокая оплата сезонного труда привлекала на Кавказ значительное число работников из Центральной России.

Как мы показывали ранее, развитие земледелия требовало большого количества наемных рабочих, а специфика сельского производства, заключающаяся в сезонности земле-

дельческих работ, предопределяла кратковременность найма сельских рабочих, следовательно, привязанность их к своему хозяйству. И, несмотря на это, сельскохозяйственные рабочие составляли половину (222 тыс. человек) от общей численности рабочих Дона, Кубани и Ставрополья (421 тыс. человек) [18, с. 24]. Это значительно затрудняло формирование их классового сознания как пролетариев, и они не являлись последовательными борцами за свои права.

Отсутствие крупной промышленности на этой территории и молодость рабочего класса, не имевшего своих традиций, были особенностями Северного Кавказа. И так, типичный аграрный район России, уступавший в промышленном развитии центральным губерниям, имел свою специфику. В сравнении с земледельческим центром страны на Ставрополье более интенсивно развивалось сельское производство. Преобладание низкоквалифицированной и малооплачиваемой армии работников (около 50 %), рост эксплуатации на предприятиях, тяжелое бытовое положение, частая смена работы в конечном итоге способствовали возникновению повышенной агрессивности в рабочей среде. Не имевшие возможности использования минимальных прав, установленных фабричным законодательством, рабочие пытались отстаивать свои права. Но из-за своей малочисленности рабочим было тяжело добиваться исполнения законодательства, что обуславливало более тяжелое их положение, чем в промышленных регионах России. Это послужило причиной выступления рабочих Северного Кавказа в первой русской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годючко А. И. К вопросу о численности и составе сельскохозяйственного пролетариата степного Предкавказья в период империализма (1900—1917 гг.) / А. И. Годючко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. — 1968. — № 5.
2. Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века / В. Н. Ратушняк. — Ростов н/Д, 1989.
3. Трехбратов Б. А. К вопросу о формировании сельскохозяйственных рабочих Кубанской области / Б. А. Трехбратов // Научные труды кафедры истории. — Ставрополь, 1972.
4. Крикунов В. П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60—90-е годы XIX века / В. П. Крикунов. — Грозный, 1973.

5. ГАСК. — Ф. 133. — Оп. 1. — Ед. хр. 32.
6. Производительные силы России. — СПб., 1896. — Отд. IX.
7. ГАСК. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 5413.
8. ГАРФ. — Ф. 353. — Оп. 1. — Д. 461, 479-а.
9. Организационные и методические принципы подготовки «Хроники рабочего движения в России. 1895 — февраль 1917 гг.». — М., 1986.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. — СПб., 1888. — Т. 6, № 3769.
11. Обзор Ставропольской губернии за 1905 г. — Ставрополь, 1906.
12. Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. — Ставрополь, 1915.
13. Иванова Н. А. Структура рабочего класса России. 1910—1914 гг. / Н. А. Иванова. — М., 1988.
14. ГАСК. — Ф. 3455. — Оп. 1. — Ед. хр. 5.
15. Электротехнический вестник. — 1903. — № 5. — 10 марта.
16. Пятигорский листок. — 1905. — 2 июня.
17. ГАСК. — Ф. 1323. — Оп. 1. — Ед. хр. 32.
18. Кудряшов К. В. Рабочее движение на Дону и в Степном Предкавказье (1900—1917) / К. В. Кудряшов. — СПб., 1998.
19. Шигабуудинов М. Ш. Численность и состав рабочих Северного Кавказа (1908—1913) / М. Ш. Шигабуудинов // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX — начало XX вв.) / отв. ред. В. П. Крикунов. — Ростов н/Д, 1992.
20. ГАРФ. — Ф. 1783. — Оп. 6. — Д. 38.
21. ГАРФ. — Ф. 3631. — Оп. 1. — Д. 4.

*Георгиевский технологический институт
(филиал Северо-Кавказского государственного
технического университета)
Подмогильная И. А., редактор
publish@gti.ncstu.ru
Тел./факс: (87951)6-53-41*

*Georgievsk Technological Institute (Branch),
North Caucasus State Technical University
Podmogilnaya I. A., Editor
publish@gti.ncstu.ru
Tel./fax: (87951)6-53-41*